

УДК 902/904(470.41)

EDN HHCBWP

Место и роль древнего города Болгара в исторической памяти татарского народа

*А. И. Байамонте, А. А. Гафаров,
Р. Р. Фахрутдинов,*

*Казанский федеральный университет,
Казань, Республика Татарстан,
Российская Федерация*

The place and role of the Ancient City of Bolgar in the historical memory of the Tatar people

*A. I. Bayamonte, A. A. Gafarov,
R. R. Fakrutdinov,*

*Kazan Federal University,
Kazan, the Republic of Tatarstan,
the Russian Federation*

Аннотация

Древний Болгар на протяжении более тысячи лет остается духовно-культурным центром Волго-Уральского региона. Несмотря на многочисленные военно-политические катаклизмы, перманентные разрушения и возрождения, Болгар через многие века пронес эстафету исторической памяти, преемственности исторических эпох и поколений. В Новое и Новейшее время Болгар становится значимым фактором становления и развития национальной идентичности поволжских татар (в том числе в виде идей «булгаризма» и «необулгаризма»), опорой нарождающейся национальной историографии и важным символом формирования освободительной идеологии. Сохранение научной, общественной и культурной значимости древнего Болгара, начиная с XVIII в., связано с активной деятельностью российского государства, научных и общественных организаций по защите, сохранению и реставрации значимого памятника истории и архитектуры. Большую роль в сохранении Болгарского историко-археологического комплекса играет ЮНЕСКО, которая выступает активным сторонником сохранения мирового культурного многообразия. Осуждая попытки нивелировки национальных культур, проявления культурного глобализма и навязывания массовой культуры, ЮНЕСКО стремится создать благоприятные условия доступности культурного достояния для всех слоев общества: вне зависимости от национальной, религиозной или расовой принадлежности. Благодаря коллективным усилиям по сохранению памятника, древний Болгар в настоящее время является не только значимой частью культурно-исторического наследия прошлого и популярной туристической достопримечательностью Республики Татарстан, но остается сакральным центром сохранения и развития духовных традиций, символом, соединяющим сложную ткань исторического времени.

Abstract

It is known, that the Ancient City of Bolgar remains the spiritual and cultural center of

the Volga-Ural region for more than a thousand years. Despite the numerous military-political cataclysms, permanent destruction and rebirth, the Ancient City of Bolgar through many centuries carried the baton of the historical memory, the continuity of historical eras and generations. In modern times, the Bulgarians became a significant factor in the formation and development of the national identity of the Volga Tatars (including in the form of the ideas of "Bulgarism" and "Neo-Bulgarism"), a support of the emerging national historiography and an important symbol of the formation of the liberation ideology. The preservation of the scientific, social and cultural significance of the Ancient City of Bolgar, starting from the XVIIIth century, is linked with the active work of the Russian state, scientific and public organizations to protect, preserve and restore a significant historical and architectural monument. UNESCO plays a major role in preserving the Bolgar Historical and Archaeological Complex, advocating actively for the protection of global cultural diversity. Condemning attempts to erase the level of the national cultures, manifestations of the cultural globalism and the imposition of mass culture, UNESCO strives to create the favorable conditions for the broad access to the cultural heritage for all segments of society, regardless of national, religious, or racial background. Thanks to the collective efforts to preserve the monument, today the Ancient City of Bolgar is not only a significant part of the cultural and historical heritage of the past and a popular tourist attraction of the Republic of Tatarstan, which remains the sacred center of the preservation and development of the spiritual traditions, and also becomes as a real symbol connecting the complex fabric of the historical times.

Ключевые слова

Древний город, Болгар, памятник архитектуры, историко-культурное наследие, память татарского народа, ЮНЕСКО, общество, культура.

Keywords

Ancient city, Bolgar, architectural monument, historical and cultural heritage, memory of the Tatar people, UNESCO, society, culture.

Введение

Многие регионы Российской Федерации, в том числе Республика Татарстан, нацелены на сохранение и использование своего историко-культурного наследия. С начала XXI в. интерес к самобытному историческому наследию народов Татарстана неуклонно возрастает, как в научной среде, так и в обществе в целом, что знаменует собой значительные перемены в политической и культурной жизни страны. В связи с этим в современном, стремительно изменяющемся мире весьма важно осознать и объективно оценить значение культурного наследия столь богатого на исторические памятники региона.

Наряду с историческими поселениями федерального значения (города Чистополь и Елабуга), а также поселениями, имеющими историческую ценность регионального значения (города Казань, Болгар, Буинск, Лаишево, Мамадыш, Менделеевск, Мензелинск, Тетюши, села Билярск и Свияжск), в Республике Татарстан уникальные памятники, а также культурные и природные ландшафты сохраняются в восьми музеях-заповедниках¹.

В ряду этих памятников имеют особое значение объекты Всемирного наследия ЮНЕСКО: Болгарский историко-археологический комплекс, Казанский Кремль, Успенский собор и монастырь острова-града Свияжск, Астрономическая обсерватория имени В. П. Энгельгардта².

Основная часть

Выдающимся историко-культурным потенциалом Болгар прежде всего обязан культуре Волжской Булгарии, оказавшей решающее влияние на развитие Золотой Орды и Казанского ханства. Значимый контекст историко-культурных ценностей данного региона реализуется благодаря цивилизационной преемственности культурного наследия исторических эпох. В Татарстане наиболее ярко это проявлено в непрерывной культурной традиции историко-археологического комплекса Болгар³.

Великий Болгар, с начала X в. став столицей Волжской Булгарии, был важным центром политического, социально-экономического и культурного развития Евразии. Благодаря своему географическому положению в месте слияния рек Волги и Камы (на водных и караванных путях международного торгового транзита), он объективно выступал своеобразной зоной цивилизационного пограничья, связывающего христианский запад, языческий север и мусульманский юго-восток. Благодаря многочисленным торговым связям, интенсивно интегрируясь в мусульманский мир, булгарское общество активно ассимилировало достижения высокоразвитой исламской цивилизации придавая им региональную специфику и продвигая к новым рубежам. По меткому выражению французского востоковеда А. А. Беннигсена, «этот могущественный, процветающий, ослепительный и утонченный мир... представлял из себя одно целое... Туркестанец Ибн Сина... был как у себя дома в Каире и Медине, а гренадский араб Абу Хамид аль-Гарнати не чувствовал себя на чужбине на берегах Волги»⁴. До начала XV в. Болгар служил центром притяжения культурных сил – здесь развивались науки и искусство, вырабатывались и распространялись достижения культуры.

Хотя в течение тысячелетней истории Болгар неоднократно разорялся (войсками хана Батыя (1236), эмира Булат-Тимура (1361), новгородских ушкуйников (1366, 1374), московского князя Дмитрия Ивановича (1370, 1376), звенигородского и галицкого князя Юрия Дмитриевича (1399) и др.), он неизменно возрождался. Однако весной 1431 г. Великий Болгар был окончательно разрушен войском Федора Палецкого (Пёстрога) – воеводы московского князя Василия II. Тем не менее остатки древней столицы остались местом поклонения, сохранения и продолжения духовно-культурных традиций края.

Неудивительно, что в 1722 г. по приказу Петра I на этом благословенном месте был основан Успенский монастырь: для «охранения» руин столицы древнего царства. Впоследствии Екатерина II писала президенту Коллегии иностранных дел графу Н. И. Панину: «Татары же великое почтение имеют к сему месту и ездят Богу молиться в сии развалины»⁵. Очевидно, что в Новое время религиозные паломничества в Болгар постепенно стали приобретать выраженное общественно-политическое звучание. «Под видом приношения жертв в честь предков начались многочисленные сборища»⁶.

Именно здесь в 1769 г. видный татарский общественный деятель и религиозный реформатор мулла Мурад организовал многотысячное собрание, выступил перед сподвижниками, ратуя за возрождение Булгарского государства и восстановление его столицы – города Болгара, став, таким образом, фактически предтечей зарождения будущего «булгаризма». Болгар в глазах татарского населения является свидетельством некогда бывшего величия, символом светлых надежд

на будущее. По мнению этнографа XIX в. Шиле, древняя слава болгарского народа еще живет в народной памяти и проявляется в названии «бургалрык», как иногда о себе говорят казанские татары⁷. Память «о величии татарского царства» среди татарского населения и «веру в его будущее восстановление» отмечал также историк П. В. Знаменский⁸.

В исламских реформаторских концептах XIX – начала XX в., как фундаменталистских, так и модернистских, перманентные апелляции к «болгарскому наследию» весьма характерны и показательны. В частности, ядром идеологии ваисовского движения стал призыв к восстановлению Болгарского государства и возвращению исконных «болгарских земель», якобы обещанных местному населению царской властью по некому мифическому договору. Оформившаяся впоследствии организация, названная в честь основателя и выразителя идей булгаризма среди казанских татар Багаутдина Ваисова, активно проявила себя в Поволжье (прежде всего в Казанской губернии), а также в Приуралье и даже Средней Азии во второй половине XIX – первой четверти XX в.

При казанской ваисовской общине были созданы Болгарская духовная академия, училище «Булгария», типография, первая мусульманская публичная библиотека и т. д. Именно ваисовской академии Г. Тукай посвятил свое известное стихотворение «В саду знаний» (1905). В 1919 г. на II съезде ваисовской организации была выдвинута практическая задача по созданию социалистической Народной республики Волжская Булгария, а на III съезде принято решение о формировании высшего органа власти республики – Совета Волжских Болгарских мусульман и ваисовцев Востока (рабочих и крестьян). В 1920-е гг. в Чистопольском кантоне Татарстана было даже основано соответствующее поселение – Новый Болгар. Однако впоследствии данная община распалась, а деятельность ваисовского движения в 1923 г. была запрещена. Обращает на себя внимание, что ваисовцы призывали «вернуться» к этнониму «Аль Булгари»⁹, полагая, что только болгарский компонент населения сохранил чистоту восприятия ислама.

Идейный противник ваисовцев Ш. Марджани ориентировался на исторические источники и факторы возрождения мусульманского сообщества России¹⁰. Ш. Марджани, Х. Фаизханов, Х. Атласи и другие татарские общественные деятели, историки и публицисты считали историческое знание основополагающей базой национального самосознания. «История – единственная из наук, – как писал историк Х. Атласи, – способная пробудить в человеке чувство национального достоинства»¹¹.

Усилия нарождающейся в XIX в. национальной историографии были направлены на возрождение исторической памяти народа. Вполне естественно, что значительная часть татарских ученых и общественных деятелей обратилась к эпохе Волжской Булгарии и Казанского ханства (как это сделали Ш. Марджани, Х. Фаизханов, Р. Фахретдин и Г. Баттал¹²). Другие исследователи попытались вписать «болгарскую историю» в историю общетюркского мира (Х. Атласи, Х.-Г. Габаша, А.-З. Валиди, Г. Губайдуллин и др.¹³). Последний считал, что после нашествия Батыя Волжская Булгария, не потеряв былого значение, смогла вернуть себе статус, временно утраченный после ослабления Багдадского халифата¹⁴. Предлагаемая исследователями историческая схема указывала

на преемственность тюрко-татарского мира: империя гуннов – Тюркский, Аварский, Хазарский каганаты – Булгарские государства (Великая Булгария, Дунайская Булгария, Волжская Булгария) – империя Чингисхана – Золотая Орда – Татарские ханства (Сибирское, Казанское, Крымское, Астраханское, Касимовское, Ногайская Орда) и др. А.-З. Валиди дополнил этот ряд уйгурскими каганатами, государством огузов, Казахским ханством, империей Тимуридов¹⁵. Изыскания историков наводят на мысль о том, что народ с великим прошлым должен проявить себя и в настоящем.

Очевидно, что в работах Ш. Марджани вопрос о национальной идентификации напрямую связан с доминирующим идеологическим трендом (общетюркского, общеисламского единства). Несмотря на то, что Ш. Марджани, согласно единому мнению ученого сообщества, считается основоположником «татаризма», вместе с тем он искусно вплетал в данную канву булгарские истоки, как и элементы тюркизма и исламизма. Название его основной исторической работы «Кладезь сведений о делах Казани и Булгара» (1885) говорит о расставленных просветителем акцентах.

На страницах татарской печати по вопросу самоназвания поволжских мусульман в начале XX в. развернулась обширная острая дискуссия. В обсуждении вопроса приняли активное участие А.-З. Валиди, Г. Губайдуллин и другие научные, политические и общественные деятели¹⁶. Так, писатель Г. Исхаки в своих ранних произведениях называет казанских татар «булгарами»¹⁷. Примечательно, что Ш. Марджани, повествуя о развитии булгарской цивилизации и ее тесных контактах с исламским миром подчеркивал некую историческую тождественность казанских татар и булгар: «их (булгар/татар) земли стали центром тюркизма»¹⁸. О подобной преемственности пишет и Г. Н. Ахмеров, уподобляя булгарам «казанских мусульман»¹⁹.

Имперской политике российского государства татарские ученые XIX – начала XX в. дружно противопоставляли идеализированную картину прошлого, апеллируя к светлым традициям эпохи Волжской Булгарии. Добровольный союз народов Волго-Камья указывает на «... их этническую и духовную общность с казанскими, а еще ранее – с булгарскими тюрками, что в свою очередь, дает основание предполагать наличие равных прав и достаточных свобод у народов как Булгарской, так и Казанской держав»²⁰.

Внимание к культурно-историческому наследию Болгара актуализировалось в первой трети XX в., в том числе благодаря обострившейся «борьбе за булгарское наследство» между национальными научными, общественными группами региона. Показательно, что и в чувашском культурно-национальном движении проявились тенденции булгаризма. В частности, созданное в 1921 г. объединение краеведов Чувашии «Общество изучения местного края» выступило с призывом переименования Чувашской АССР в Болгарскую АССР, чувашей – в булгар. Однако эти инициативы не нашли поддержки у властей. Идейная позиция общества была признана буржуазно-националистической. В 1930-х гг. активисты движения были репрессированы, а деятельность организации была запрещена.

На сугубо научную в своей основе дискуссию решающее влияние оказывали политические мотивы. Татарское национальное движение воспринималось

властями как наиболее опасное: в качестве главного проводника идей панисламизма и пантюркизма среди тюркских, мусульманских народов. В связи с этим представления о татарской идентичности официально стремились всеми способами оторвать от золотоордынских традиций и сдвинуть в сторону болгарских истоков. (Концептуально версия о некоем особом «панисламизме среди татар» относится к дореволюционной партийной литературе: например, работе И. В. Сталина «Марксизм и национальный вопрос» (1913)²¹. Впоследствии это «подозрение» будет жестко оформлено в Постановлении ЦК ВКП(б) 1944 г.²²

Идеи «булгаризма» и в дальнейшем окажутся весьма востребованными среди татарских, башкирских, чувашских «необулгаристов» конца XX в. Центром образованного в 1981 г. кружка булгаристско-ориентированной татарской интеллигенции стал клуб «Булгар аль-Джадид» («Новый Булгар»), зарегистрированный в 1989 г. в качестве общественно-политической организации «Булгарский национальный конгресс». В 1990 г. состоялся Учредительный съезд, на котором присутствовали 150 представителей от 23 организаций из разных городов СССР. Филиалы конгресса имелись в Санкт-Петербурге, Оренбурге, Набережных Челнах, Болгаре и др. Печатным органом стал «Болгарский вестник – Болгар иле».

По мнению американского историка Ю. Шамиля, «вера в преемственную связь волжских булгар – Золотой Орды – казанских татар является самым настоящим символом веры, как для политиков, так и для ученых»²³.

Обсуждение результатов

Особое положение Болгара в процессах общественно-политического, социокультурного развития Волго-Уральского края, являющего материальные свидетельства величия общероссийского прошлого, не могло не снискать внимания официальных властей к этому уникальному памятнику, соединившему в своей истории древние традиции полиэтноконфессионального региона.

Стремление к сохранению и изучению Болгарского городища, а также последующему осмыслению места и роли Болгара в отечественной истории и этнокультурных традициях края прослеживается с начала XVIII в. Так, 7-8 июня 1722 г, направляясь в Персидский поход, Петр I посетил остатки древней столицы. О ней, вероятно, царю было известно заранее, поскольку еще в 1712 г., в связи со строительством Успенского мужского монастыря, дьяк Михайлов сделал первую опись руин древнего города. Оценив важную культурно-историческую ценность памятника, Петр I отметил, что городище разрушается; впоследствии император подписал указ о его охране, изучении и реставрации. В указе, отправленном из Астрахани Казанскому губернатору П. С. Салтыкову, было дано повеление немедленно отправить на булгарское городище несколько каменщиков «с достаточным запасом извести для починки поврежденных и грозящих упадком построек и памятников», далее предлагалось «пещись о сохранении оных»; и впредь в конце каждого года направлять работников для определения возможных повреждений²⁴.

Этому же вопросу посвящен документ «Ведение о полатном Болгарском строении», где по указу Петра I от 1722 г. требовалось в Казанской губернии «... на древнем Болгарском городище каменное строение о двух столпов в сходных, что называется по-татарски колокольни, фундамент починить»²⁵. Минарет

скрепили железными обручами, у «столпов фундаменты [были] подведены, также одни палаты... починены; и оные столпы и бани сверх починки сводов покрыты тесом»²⁶. Кроме того, в 1722-1732 гг. подполковник Н. Савенков и геодезист И. Крапивин составили топографическое описание городища.

2 июня 1776 г. в ходе путешествия по России императрица Екатерина II, наслышанная об исторических достопримечательностях края и памятуя опыт великого предшественника, также посетила Болгарское городище. Восхитившись древними строениями, она не могла не заметить, что памятники по-прежнему разрушаются: находятся «не в весьма» хорошем состоянии. Местные монахи, несмотря на строжайший петровский указ о сохранении Булгарского городища, активно разбирали древние строения на свои нужды. В указанном выше письме к графу Н. И. Панину она обвинила в этом Казанского епископа Луку Канашевича: «Сему один гонитель, Казанский архиерей, Лука, при покойной Императрице Елисавете Петровне позавидовал и много разломал, а из иных построил церковь, погреба и под монастырь занял, хотя Петра I Указ есть, чтоб не вредить и не ломать сию древность»²⁷. В 1764 г. за варварское отношение монахов к памятнику старины монастырь был переведен Екатериной II в Чебоксары.

Несмотря на высказывание Екатерины II о том, что местные татары почитают Болгар местом сакральным, она воспринимала памятник как «развалины старинного, Тамерланом построенного, города», называя при этом минареты турецкими²⁸. Это не удивительно, учитывая уровень отечественной историографии, археологии и краеведения в XVIII в. Наблюдаемые смещения исторической памяти (относительно событий золотоордынского и болгарского прошлого), укоренившиеся в среде простонародья, вполне объяснимы. В частности, В. В. Радлов обращал внимание, что казанские татары, плохо зная историю, смешивают Золотую Орду с Турцией. Г. Н. Ахмеров в статье «Экскурсия на место древнего Суvara» (1893) также признает, что, по-видимому, под влиянием татар и русские крестьяне считают, «что село носит такое инородческое название потому, что здесь был очень большой турецкий город Свар (как они обыкновенно называют и все находки турецкими)»²⁹.

Увиденное способствовало тому, что в дальнейшем, в 1771 г., императрица подписала указ о необходимости фиксации, описания исторических памятников (древних курганов, городищ, пещер и т. д.). Кропотливую работу по изучению Болгарского городища провели в 1768 г. участники Оренбургской экспедиции (П. С. Паллас, И. И. Лепёхин, И. И. Георги и др.). Помимо подробного описания памятника, они скопировали и перевели 50 надписей с болгарских и армянских надмогильных камней³⁰. Указы Петра I и Екатерины II фактически заложили основы будущей государственной политики по охране и изучению объектов культурного и исторического наследия в России. Впоследствии, в XIX-XX вв., государственная, научная и общественная активность по сохранению и изучению Булгарского городища неуклонно развивалась: от эпизодических мероприятий до систематической деятельности, включающей в себя правовые аспекты статуса памятника.

В XIX в. исследования Болгара приобретают большую упорядоченность и системность. Ф. И. Эрдман, П. П. Свиньин, Н. Н. Кафтанников, Н. И. Второв, И. Н. Березин, К. И. Невоструев, А. Ф. Риттих, С. М. Шпилевский и другие

исследователи представили в своих трудах достаточно подробные описания памятников болгарского исторического комплекса. Благодаря гравюрам А. Дюранда, рисункам братьев Н. Г. и Г. Г. Чернецовых, обмерам археолога А. К. Шмидта до наших дней дошел внешний вид строений, многие из которых впоследствии разрушились. С 1860-х гг. на территории Болгарского городища периодически проводились археологические раскопки, в которых активное участие приняли В. Г. Тизенгаузен, В. Г. Казаринов, А. А. Штутгенберг, П. А. Пономарёв, С. И. Покровский, Б. Е. Крелленберг, П. И. Кротов, М. М. Хомяков, В. Ф. Смолин, М. Г. Худяков, А. С. Башкиров, Б. Ф. Адлер и др. В ходе работ были изучены отдельные памятники архитектуры, древние кладбища и т. д.

Систематическое изучение древнего Болгара началось лишь в 1938 г. под руководством А. П. Смирнова. В разные периоды в этой работе принимали участие Н. Ф. Калинин, А. М. Ефимова, О. С. Хованская, Б. Б. Жиромский, Т. А. Хлебникова, М. Д. Полубояринова, Ю. А. Краснов, М. Г. Крамаровский, П. Н. Старостин и др. Начиная с 1950-х гг. Булгар стал объектом историко-архитектурных исследований, а с 1960-х гг. – реставрационных работ. В частности, были реставрированы остатки Болгарской соборной мечети, Восточного, Северного мавзолеев, Белой, Чёрной палат, Малого минарета, Ханских усыпальниц; в 1994-2001 гг. восстановлен Большой минарет.

В 1960 г. историко-архитектурный комплекс был включен в Перечень объектов исторического и культурного наследия федерального значения, а в 1969 г. на основании постановления Правительства ТАССР (№ 222 от 14 апреля 1969 г.) был создан Болгарский историко-архитектурный заповедник. Часть находок, найденных на территории заповедника, в настоящее время хранится в Москве (в Историческом музее), Санкт-Петербурге (в Эрмитаже), Казани (в Национальном музее Республики Татарстан), Хельсинки (в Национальном музее Финляндии), в Болгаре (в Музее истории) и др.

Важную роль в сохранении и изучении Болгарского историко-археологического комплекса в настоящее время играют международные организации. Во многом этому способствовали активная научно-организационная деятельность по сохранению памятников истории и архитектуры, а также стремительное развитие туризма в Татарстане. Важными событиями, оказавшими влияние на динамику отрасли, стали: подготовка и проведение 1000-летия Казани (2005 г.), проведение крупных спортивных соревнований (Всемирная летняя Универсиада в 2013 г., чемпионаты мира по водным видам спорта в 2015 г., по футболу в 2018 г. и др.), общественно-политических мероприятий (WorldSkills в 2019 г., XVI саммита БРИКС в 2024 г. и др.). По мере развития и постоянной модернизации туристической инфраструктуры не остались вне внимания культурно-исторические достопримечательности, возраст которых насчитывает сотни и тысячи лет. Древние объекты обрели новую жизнь благодаря тщательной реставрации и соответствующему возрастанию потока туристов из разных стран. Посещаемость наиболее популярных памятников Татарстана за последние годы увеличилась в 7-10 раз. Например, посещаемость Казанского Кремля с 2010 по 2017 г. выросла с 400 тысяч до 2,7 миллиона; если Великий Болгар в 2010 г. посетили 50 тысяч человек, то в 2017 г. – 540 тысяч, а в отношении острова-града Свияжск эти цифры выросли с 10 тысяч до 491 тысячи туристов³¹.

С 1998 г. начинается история международного признания Болгара, когда данный историко-археологический комплекс был занесен в Предварительный список Всемирного наследия. В 2013 г. на 37-й сессии в Пномпене (Камбоджа) Болгарский историко-археологический комплекс был признан всемирной ценностью и представлен в Список Всемирного наследия ЮНЕСКО. Эти процессы вдохновили Республиканский Фонд возрождения памятников истории и культуры Республики Татарстан (председателем Попечительского Совета Республиканского фонда «Возрождение» является Государственный Советник РТ М. Ш. Шаймиев) на осуществление в Болгаре значительных работ по восстановлению и реставрации памятников. В 2014 г. на 38-й сессии Комитета Всемирного наследия ЮНЕСКО в Дохе (Катар) Болгарский государственный историко-археологический музей-заповедник был включен в Список Всемирного наследия ЮНЕСКО³².

Заключение

Древний Болгар представляет значимый пример как сформировавшийся в X-XV вв. историко-археологический комплекс в результате различных факторов, в первую очередь исторических и геополитических, повлиявших на развитие государства и цивилизации, стал центром распространения ислама и православия, местом, где современные татарские культурные традиции тесно переплетаются с традициями других народов. Болгарский государственный историко-археологический музей-заповедник занимает уникальное положение среди прочих объектов Всемирного наследия ЮНЕСКО, как в Восточной Европе, так и Центральной Азии. Особую роль Болгара определяют его выдающееся место в русле развития мировой истории и культуры и значимость культурно-исторического потенциала³³.

В исторической памяти татар эпоха расцвета Болгара, украшенная легендами и рационализированная трендами научной историографии, практически представляется золотым веком. Обращаясь к этому неиссякаемому жизнеутверждающему источнику, Г. Тукай писал в стихотворении «В саду знаний» (1905):

«Доказательства представим, что достойны жизни мы,
Чтобы спорить перестали с нами чуждые умы.
Пусть увидят, что на свете еще булгары живут,
Пусть увидят наше счастье, сами к счастью повернут»³⁴.

Благодаря коллективным усилиям по сохранению памятника Болгар не только стал значимым культурно-историческим и туристическим местом в Республике Татарстан, но и остается сакральным центром, своеобразным местом силы, соединяющим эпохи. В 2017 г. здесь была открыта Болгарская исламская академия. Сегодня Болгар являет собой уникальное пространство, давая возможность соприкоснуться с материальными воплощениями архетипических основ бытия.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Синцов А. Ю. Сохранение и использование культурного наследия Республики Татарстан в начале XXI века (на примере культурно-познавательного туризма). Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Казань, 2021. – 24 с.

2. Четыре объекта ЮНЕСКО в Татарстане // Татарстан. – 2024. – 21 мая. URL: <https://protatarstan.ru/news/vechnoe/cetyre-obieekta-iunesko-v-tatarstane-1716240636> (дата обращения: 02.03.2025).
3. Валеев Р. М. Историко-культурный потенциал Болгара как объекта всемирного наследия ЮНЕСКО и развитие туризма в Татарстане // Вестник КАЗГУКИ. – 2019. – № 1. – С. 11.
4. Беннигсен А. А. Мусульмане в СССР // Панорама-форум. – 1995. – № 2 (октябрь). – С. 78-79.
5. Письма и записки Императрицы Екатерины Второй к графу Никите Ивановичу Панину. – М.: Универ. тип., 1863. – С. 27.
6. Хамзин Н. Мурат Мулла как предводитель восстания и общественно-социальное положение татар второй пол. 18 века // Minbar. Islamic Studies. – 2011. – № 2 (8). – С. 40.
7. Шиле. Казанские татары. Этнографический очерк // Природа и люди. – 1879. – № 1 (январь). – С. 7.
8. Знаменский П. В. Казанские татары. – Казань, 1910. – С. 55.
9. Сенюткина О. Вайсов и вайсовцы. URL: https://idmedina.ru/books/history_culture/ramazan/2/vais.htm (дата обращения: 25.02.2025).
10. Марджани Ш. Извлечение вестей о состоянии Казани и Булгара (Мустафад ал-ахбар фи ахвали Казан ва Булгар). – Казань, 2005. – Ч. 1. – 255 с.
11. Атласов Х. М. История Сибири / Пер. с татар. яз. А. И. Бадюгиной. – Казань: Татар. кн. изд-во, 2005. – С. 11.
12. Марджани Ш. Указ. соч.; Хусаин Фаизханов. Жизнь и наследие: историко-документальный сборник / Пер. со старотат. А. М. Ахунова и И. Ф. Гимадеева; сост. и отв. ред. Д. В. Мухетдинов. – Н. Новгород, 2008. – 152 с.; Фәхретдин Р. С. Болгар в Казан төрекләре. – Казан: Татар. кит. нәшр., 2021. – 349 б.; его же. Казан ханнары. – Казан: Татар. кит. нәшр., 1995. – 189 б.; Баттал Г. Казан төркіләре. – Казан: Татар. кит. нәшр., 1996. – 192 б.
13. Атласов Х. М. Указ. соч.; Габаши Х.-Г. Торек ыругълары. – Казань, 1897. – 36 с.; Габаши Х.-Г. Мохтасар тарих каум торки. – Казань, 1899. – 112 с.; его же. Всеобщая история тюркских народов. – Казань: Фэн, 2009. – 248 с.; Валиди Ә.-З. Кыскача Төрөк-татар тарихи / Төзүчесе, төп текстның транскрипсиясен әзерләүче, библиографик исемлек, искәрмәләр һәм аһыр сүз авторы Р. Әмирхан. – Казан: Татар. кит. нәшр., 1992. – 181 б.; Валиди Тоган З. Воспоминания. – Уфа: Китап, 1998. – Кн. 2. – 368 с.; Губайдуллин Г. С. Из прошлого татар. (Оттиск из сборника «Материалы по изучению Татарстана», вып. II). – Казань: Бюро краеведения при Академ. центре Т.Н.К.П., 1925. – С. 71-113 и др.
14. Губайдуллин Г. С. Указ. соч. – С. 72.
15. Валиди Ә.-З. Кыскача Төрөк-татар тарихи.
16. Валиди Ә.-З. Кайу милләттәнсең? // Мәктәп. – 1913. – № 7; Газиз Г. Без төрекме, татармы? // Корылтай. – 1918. – № 46.
17. Исхакый Г. Ике йөз елдан соң инкыйраз // Исхакый Г. Әсәрләр. 1 т. Повестьлар һәм хикәяләр (1899-1908). – Казан: Татар. кит. нәшр., 1998. – Б. 154-270.
18. Марджани Ш. Указ. соч. – С. 26.
19. Ахмеров Г. Н. Избранные труды. – Казань: Татар. кн. изд-во, 1998. – С. 74.
20. Там же. – С. 82.
21. Сталин И. В. Марксизм и национальный вопрос // И. В. Сталин. Сочинения. – М.: Гос. изд-во полит. лит., 1954. – Т. 2. – С. 291.
22. О состоянии и мерах улучшения массово-политической и идеологической работы в Татарской партийной организации // Партийное строительство. – 1944. – № 15-16. – С. 29-32.
23. Шамиль Ю. Формирование исторического сознания татар: Шигабутдин Марджани и образ Золотой Орды // Татарстан. – 1991. – № 10. – С. 26, 27.

24. Храним наследие. Международный день памятников // Комиссия Российской Федерации по делам ЮНЕСКО. – 2022. – 16 апреля. URL: <https://unesco.ru/en/news/international-monument-day/> (дата обращения: 25.02.2025).
25. Российский государственный архив древних актов, ф. 9, отд. II, кн. 93, л. 3.
26. Там же.
27. Письма и записки Императрицы Екатерины Второй... – С. 27.
28. Там же.
29. Ахмеров Г. Н. Указ. соч. – С. 217-218.
30. Дневные записки путешествия доктора и Академии Наук адъюнкта Ивана Лепехина по разным провинциям Российского государства, 1768 и 1769 году. – СПб.: Имп. Академия наук, 1771. – С. 272-282.
31. Всемирное наследие ЮНЕСКО в Республике Татарстан: долгий путь культурного триумфа. URL: http://100tatarstan.ru/structure/profile/3153817_ru (дата обращения: 25.02.2025).
32. Болгарский музей-заповедник. URL: <https://vbolgar.ru> (дата обращения: 25.02.2025).
33. Валеев Р. М. Указ. соч. – С. 13.
34. Перевод В. С. Думаевой-Валиевой.

Список литературы

- Атласов Х. М. История Сибири / Пер. с татар. яз. А. И. Бадюгиной. – Казань: Татар. кн. изд-во, 2005. – 110 с.
- Беннигсен А. А. Мусульмане в СССР // Панорама-форум. – 1995. – № 2 (октябрь). – С. 76-86.
- Валеев Р. М. Историко-культурный потенциал Болгара как объекта всемирного наследия ЮНЕСКО и развитие туризма в Татарстане // Вестник КАЗГУКИ. – 2019. – № 1. – С. 9-13.
- Синцов А. Ю. Сохранение и использование культурного наследия Республики Татарстан в начале XXI века (на примере культурно-познавательного туризма). Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Казань, 2021. – 24 с.
- Хамзин Н. Мурат Мулла как предводитель восстания и общественно-социальное положение татар второй пол. 18 века // Minbar. Islamic Studies. – 2011. – № 2 (8). – С. 38-42.
- Фаизханов Х. Жизнь и наследие: историко-документальный сборник / Пер. со старотат. А. М. Ахунова и И. Ф. Гимадеева; сост. и отв. ред. Д. В. Мухетдинов. – Н. Новгород, 2008. – 152 с.
- Шамиль Ю. Формирование исторического сознания татар: Шигабутдин Марджани и образ Золотой Орды // Татарстан. – 1991. – № 10. – С. 21-29.
- Баттал Г. Казан төркиләре. – Казан: Татар. кит. нәшр., 1996. – 192 б.
- Фәхретдин Р. С. Болгар в Казан төрекләре. – Казан: Татар. кит. нәшр., 2021. – 349 б.

References

- Atlasov Kh. M. *Istoriya Sibiri. Per. s tatar. yaz. A. I. Badyuginoi* [The History of Siberia / Translated from the Tatar language by A. I. Badyugina]. Kazan: Tatar. kn. izd-vo, 2005, 110 p.
- Bennigsen A. A. *Musul'mane v SSSR* [The Muslims in the USSR]. IN: *Panorama-forum* [The Panorama Forum], 1995, no. 2 (oktyabr), pp. 76-86.
- Valeev R. M. *Istoriko-kul'turnyi potentsial Bolgara kak ob'ekta vseмирного naslediya YuNESKO i razvitie turizma v Tatarstane* [The Historical and cultural potential of Bolgar as a UNESCO World Heritage Site and tourism development in Tatarstan]. IN: *Vestnik KAZGUKI* [The Bulletin of KAZGUKI], 2019, no. 1, pp. 9-13.
- Sintsov A. Yu. *Sokhranenie i ispol'zovanie kul'turnogo naslediya Respubliki Tatarstan v nachale XXI veka (na primere kul'turno-poznavatel'nogo turizma). Avtoref. dis. ... kand. ist. nauk* [The Preservation and use of the cultural heritage of the Republic of Tatarstan at the beginning of the XXI century (on

the example of the cultural and educational tourism). Abstract of the dissertation... Candidate of Historical Sciences]. Kazan, 2021, 24 p.

Khamzin N. *Murat Mulla kak predvoditel' vosstaniya i obshchestvenno-sotsial'noe polozhenie tatar vtoroi pol. 18 veka* [Mullah as the leader of the uprising and the socio-social situation of the Tatars at the second half of the XVIIIth century]. IN: Minbar. Islamic Studies, 2011, no. 2 (8), pp. 38-42.

Faizkhanov Kh. *Zhizn' i nasledie: ist.-dok. sb. Per. so starotat. A. M. Akhunova i I. F. Gimadeeva; sost. i otv. red. D. V. Mukhetdinov* [The Life and heritage: the historical and documentary collection. Translated from the old Tatar by A. M. Akhunov and I. F. Gimadeev; compiled and executive editor D.V. Mukhetdinov]. N. Novgorod, 2008, 152 p.

Shamil' Yu. *Formirovanie istoricheskogo soznaniya tatar: Shigabutdin Mardzhani i obraz Zolotoi Ordy* [The Formation of the historical consciousness of the Tatars: Shigabutdin Marjani and the image of the Golden Horde]. IN: Tatarstan, 1991, no. 10, pp. 21-29.

Battal G. *Kazan torkilere* [The Kazan Turks]. Kazan: Tatar. kit. neshr., 1996, 192 p.

Fakhretdin R. S. *Bolgar ve Kazan toreklere* [The Bulgarians and the Kazan Turks]. Kazan: Tatar. kit. neshr., 2021, 349 p.

Сведения об авторах

Байамонте Аделя Ильхамовна, кандидат исторических наук, доцент Казанского федерального университета; ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-1060-3393>; e-mail: satadel@inbox.ru

Гафаров Анвар Айратович, кандидат исторических наук, доцент Казанского федерального университета; ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7708-5300>; e-mail: anvargafarov@mail.ru

Фахрутдинов Раиль Равилович, доктор исторических наук, доцент Казанского федерального университета; ORCID: <http://orcid.org/0000-0001-6798-8904>; e-mail: fahrutdinov.rail@mail.ru

About the authors

Adelia I. Bayamonte, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of Kazan Federal University; ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-1060-3393>; e-mail: satadel@inbox.ru

Anvar A. Gafarov, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of Kazan Federal University; ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-1060-3393>; e-mail: anvargafarov@mail.ru

Rail R. Fakhrutdinov, Doctor of Historical Sciences, Associate Professor of Kazan Federal University; ORCID: <http://orcid.org/0000-0001-6798-8904>; e-mail: fahrutdinov.rail@mail.ru

В редакцию статья поступила 27.05.2025, опубликована:

Байамонте А. И., Гафаров А. А., Фахрутдинов Р. Р. Место и роль древнего города Болгара в исторической памяти татарского народа // Гасырлар авазы – Эхо веков Echo of centuries. – 2025. – № 3. – С. 140-151.

Submitted on 27.05.2025, published:

Bayamonte A. I., Gafarov A. A., Fakhrutdinov R. R. *Mesto i rol' drevnego goroda Bolgara v istoricheskoy pamjati tatarskogo naroda* [The place and role of the Ancient City of Bolgar in the historical memory of the Tatar people]. IN: *Gasyrlar avazy – Eho vekov* [Echo of centuries], 2025, no. 3, pp. 140-151.